

* * *

Когда я перестану быть,
Мои стихи осиротеют.
Убит, оболган и забыт —
Что может быть сего подлее!

Я был юнцом и стал отцом,
Кормильцем трех детей и мужем.
От травм и стрессов стал слепцом,
Забыт и никому не нужен.

Ни государству, ни семье,
Которым сделался обузой.
Всю жизнь ишачил на земле,
А умер, как последний лузер,

Оставив кипу рваных строф.
На суд язвительных потомков.
Я жил в эпоху катастроф,
А рвется там всегда, где тонко.

Есть и для мук земных конец —
Шальная пуля иль заточка.
Но это все же не венец —
Лишь запятая, а не точка.

* * *

Я жил на выселках, на прииске,
В бараке среди полчищ крыс,
Варил из килек суп на примусе
И добавлял в похлебку рис.

Весной тайга зеленоглазая
Меня снабжала черемшой.
Пугливая дикарка Азия
Всех принимала, кто пришел.

Всех неудачников и лузеров,
Кто горе мыкал в городах,
Кто спать ложился, не поужинав,
И по неделям голодал.

Они из центра понаехали
По одному, вдвоем, втроем,
Кто за грибами и орехами,
Но чаще за шальным рублем.

Ох, елы-палы, пихты, сосенки
И всех кормилица кедра!
Я заблудился в прошлом сослепу,
В сибирском собственном вчера.

КАВАЛЕРИЙСКАЯ БАЛЛАДА

Степного к нему подвели жеребца,
Вскочил он в седло по привычке с крыльца.
Наметом за ним полетел эскадрон
Сквозь лай пулеметный и звон.

И ярость перла из берегов,
Обращая в бегство врагов.
Их кровь хлестала на лошадей
И страшные лица людей.

Безумства атаки, несущие смерть,
И кровью пропитанный воздух и твердь,
А хряск отрубаемых рук и голов
Страшнее ружейных стволов.

Под старым рубакой плясал аргамак,
Приученный к аду свирепых атак,
Бесстрашен и злобен — не лошадь, а зверь,
Несущий противнику смерть.

И кто в этой рубке остался живой,
А кто распростился с лихой головой?
Не скажет безмолвный свидетель — ковыль.
Забылась страшная быль.

Броня у реки истончилась слегка,
А после и вовсе стала тонка;
Тогда-то река и взяла старика —
Свою ежегодную жертву.

Но все еще шел через Волгу народ,
Ступая на гибельный мартовский лед,
Пока тишину не взломал ледоход,
Грозя зазевавшимся смертью.

А льдины качались на волжской волне,
О, сколько утопых у Волги на дне!
Средь оных оставлено место и мне,
Но жизнь разлучила нас с Волгой.

Я жил вдалеке от ее берегов —
В медвежьих углах в окруженьи снегов,
Средь хитрых друзей и любезных врагов.
И с Волгой не виделся долго.

Но вешние запахи волжской воды
Я явственно чуял сквозь вьюги и льды,
И снились в Сибири мне наши сады,
Глядящие в волжскую воду.

И плыл над водой пароходный гудок,
Приветствуя встречный степной городок,
И что-то кричал пароходу седок,
Везущий арбузов подводу.

Речной работяга, чумазый баркас
И щеголя-лайнера бархатный бас
Из прошлого вдруг выплывают подчас,
Рождая в душе ностальгию.

И я просыпаюсь и долго не сплю,
Брожу и жестокую муку терплю,
А после в спиртном эту муку топлю,
Как Стенька в пучине княгиню.

Когда бы к этой полоске земли
Могли пристать корабли,
Я судно угнал бы, скажем, карбас,
И всех томящихся спас.

Тогда всех лузеров и бедолаг,
Которых гноил ГУЛАГ,

Я усадил бы на свой ковчег,
И мы ушли бы в побег.

Но нет ни паруса, ни дымка —
Пустынна морская гладь,
И соловецкая власть крепка,
Где принято погибать.

Над островом сутки зверел Норд-Ост,
Мозжила каждая кость.
У жертв Соловецкой власти
Увечья ныли в ненастье.

Но весь этот ад — лишь начало конца.
Однажды прервет его пайка свинца
Заместо хлебной на завтрак
Во имя светлого завтра.

* * *

Зачем Господь послал в сей мир
Меня, а не кого иного?
Уж он не омрачил бы пир
В мученьях найденного слова.

Посланец Высшего Судьи,
Он поднял бы с земли и с пола
Уничужденные людьми,
Когда-то гордые глаголы.

Дарованная Богом речь
В людской нуждается защите.
Но если этим пренебречь,
Тогда, славяне, не взыщите.

Заполонят родной словарь
Иноязычные глаголы,
Как оккупировали встарь
Страну ордынские монголы.

* * *

Я зарабатывал на хлеб,
Ишача с юных лет,
Иссякли силы — я ослеп,
Плюс хворостей букет.

Я зарабатывал на жизнь —
На после, на потом:
Колол дрова, точил ножи,
Хлев чистил за скотом.

Теперь я стар, увечен, слеп
И не хлебаю щей,
Дров не колю, не чищу хлев,
Раб, изгнанный взашей.

Иду пешком с пустым мешком,
В заштопанном пальто,
Постукиваю батошкой —
Авось услышит кто...

А, может, Сам Вседобрый Бог
Вдруг снизойдет к слепцу
И приведет в конце дорог
К блаженному концу?